

ААЛЫ ТОКОМБАЕВ

СИРОМА И ВОЛШЕБНИК

84.98 Ки7
Т 51

Для детей младшего школьного возраста

Художник У. Осмоев

Перевод с киргизского
С. Токомбаевой

Токомбаев Аалы.
Т 51 Сирота и волшебник: Сказка. Для детей мл. школ. возраста /Пер.
с кирг. С. Токомбаевой; Худож. У. Осмоев. — Ф.: Мектеп, 1982. —32 с.
Т 70801—248 С (Кирг) 2
М 452 (17)—82 172. 82. 4803010200 ББК 84.98 Ки7

Рецензент В. Я. Вакуленко

© Издательство «Мектеп», 1982 г. Перевод с киргизского.

ААЛЫ
ТОКОМБАЕВ

СИРОТА И ВОЛШЕБНИК

СКАЗКА

художник
У. Осмоев

ФОНІЗЕ
„МЕКТЕП“ 1982

Б

лиже к старому дедушке сядь.
Будет сказка длиннее вчерашней.
К окнам льнёт засыпающий сад.
Не дремли, соколёнок мой младший.

Сказки — разум и опыт веков,
Где мечты перепутались с явью;
Память — ветви раскидистых яблонь,
Сказки — терпкость желанных плодов...

Слушай, милый:

В лихие века —
Так давно, что и мыслью не смерить, —
Ненасытной безжалостной Смерти
Захотелось забрать бедняка;

Что ей слёзы и мольбы жены —
Мол, родить собралась ему сына...
К равнодушному просьбы — бессильны.
Все для Смерти бесправьем равны.

Бесприютной осталась вдова.
Вот сынишка родился — и что же?
«Лучше б умерли, господи боже!» —
Нищей вслед шелестели слова.

Подаяния горький кусок —
Комом в горло, булыжником в руки.
Лишь бы выжил сынок-сосунок,
Жил бы долго за мамины муки...

Каждый прожитый день — как борьба
С лютой стужей, да с голодом лютым.
Коли выпала злая судьба —
Не помогут ни боги, ни люди.

Лишь природа, жалея вдову,
Воздавала за муки красою:
То цветами расцветит траву,
То на спящую брызнет росой —

Засверкают алмазы в косе...
Но, продрогнув под небом высоким,
Та проснётся —
И что до красот ей,
Как бы сын не остыл на росе...

День за днем — набежали года.
Вот сыночку семнадцать сравнялось.
Мать до срока согнула беда
В безысходную дряхлую старость.

Молодого и холод и зной
Так не жгут сквозь худые одежды...
«Был бы только сыночек со мной,
Жизнь, опора моя и надежда», —

Так молилась несчастная мать
И печалилась новой заботой:
Ремесла ему век не узнать,
Тяготиться случайной работой.

Да блуждать по дорогам с сумой,
Ночевать то в кошаре, то в поле...
Сколько бед пережито самой!
Как ему избежать этой доли?

«Жеребёночек ласковый мой,
Ясноглазый,
Мне мало осталось.
Чует сердце, что вечный покой
Мне заботливо стелет усталость;

Если я, обессилев в пути,
Вдруг останусь в степи на дороге —
Дважды ад мне придётся пройти:
Здесь и там, во владениях бога;

Лучше, сам схоронив, поброди
По горам и аилам отчины,
Может, где-то на дальнем пути
Встретишь долю разумную в жизни...»

Мальчик, ластясь доверчиво к ней,
Отвечал:
«Разве сыну не веришь?
Самоцветы найдёшь среди камней,
Так и разум — в своей голове лишь.

Столько лет ты растила меня,
Чтоб самой умереть на дороге?!
Я ведь свет твоего же огня,
Зоркий глаз твой и быстрые ноги;

Пахну белым твоим молоком,
Нашей степью родимой, туманной...
Я расти тороплюсь, чтоб легко
Хоть под старость жилось тебе, мама!

Я, птенец твой, не делал я зла
Ни былинке, ни зверю, ни птице;
Если молодость горько прошла —
Всё под старость воздастся сторицей...»

Этих слов драгоценный бальзам
Мать пила, оторваться не в силах,
Но, от слёз отирая глаза,
Возразила заботливо сыну:

«Каждый миг мой — о хлебе тщета.
Бог хозяйства не дал мне на бедность.
Смог ты делу б учиться — тогда
Не ходил бы с сумою, надеюсь;

Хоть какое ни есть ремесло!
Не пастух, не гончар ты, не пахарь...
Целый мир пред тобою распахнут,
Ты учись — всем невздам назло!

Как-нибудь перебыюсь без тебя,
Не мешая ремёслам учиться,
Человек — не былинка, не птица...
Я дождусь, что сулишь ты, любя;

Мне слова твои дали опять
Силу, веру, надежду и радость...»
Так шагали, беседуя, рядом
Сын в лохмотьях и нищенка-мать.

В разговорах и вечер настал.
Голод гнал обессиленных нищих.
«Скоро город, сыночек, — устал?
Город — люди, а, значит, и пища...»

Заспешили сквозь сумрак и пыль,
Хоть и знали, что нынешним летом
Суховой обжигающим ветром
Даже доброго сделал скупым,

Что от джута редеют стада,
Что и псы по дворам свирепеют,
Что война, как волна суховея,
Пронеслась, заглянув и сюда...

Пять ночей и мучительных дней
Проплутали меж серых дувалов,
Люди корки сухой не давали,
Свет на стук задували в окне...

Вдруг, как птица ночная вскричав,
Мать рванулась, упав на дорожку...
«Что ты, мама?» —
«Сыночек — лепёшка!
Просто чудо! Лепёшка! Ничья!..»

Жеребёночек, мы спасены!
Подожди, схоронимся от взгляда,
Вон мазары — не бойся, не надо,
Мы живые земле не нужны...»

Прислонились к могиле чужой,
С наслаждением кусали, до дрожи,
Хлеб вдыхали, хмелея едой,
Уступали друг другу побольше...

А над ними мерцала звезда,
Затенённая пыльной полынью.
Звёзды вечностью веют могильной,
Хлеб — полынью,
Сиротством — беда...

«Ох!» — у матери вырвался крик
Сожаленья, что тает лепёшка;
Тотчас вырос, как гриб на дорожке,
Бородатый высокий старик;

Испугались — а старец, смеясь,
Прочесал свою бороду дланью:
«Я волшебник — любое желанье
Загадайте — исполню для вас!»

И надежда блеснула в мозгу,
Помрачённом заботой и страхом:
«О, желание — я не могу
Сына выучить мудростям всяким,

Чтоб умел заработать кусок
Не терпеньем — уменьем, сноровкой, —
Мать смотрела доверчиво, робко, —
Вот бы ты мне, волшебник, помог!..»

«Хорошо, обучу — но не вмиг:
На два года отдашь его полных;
Кликнешь: «Ох!» здесь, на кладбище,
в полночь...»

И исчез вместе с сыном старик.

Как ни билась, ни кликала мать,
«На два года...» — в песке шелестело...
«Может, вправду обучится делу?» —
Побрела побираться и ждать.

В злые сети попал не один
Бедный сын разнесчастной старухи:
Стало восемь теперь вместе с ним
Пареньков в услуженьи у Духа;

Озоруя, старик колдовством
Их похожими сделал, как братьев,
Как арканом, связал их заклятьем,
Воровским наградил ремеслом;

Научил превращаться в зверей,
Всякой твари приемлить обличье...
Сколько было награблено тысяч
И напрягано Охом в норе!..

Но прошёл и назначенный срок.
Мать задолго пришла на могилы,
Ровно в полночь покликкала: «Ох!
Где же, где же сыночек мой милый?!»

Тотчас вырос старик с бородой —
Словом данным повязаны духи...
«Что, явилась?» — проямлил старухе.
«Как велел, благодетель ты мой!

Две зимы и два лета прошли.
Если выучил сына — спасибо...»
«Коль узнаешь — он твой», —
И посыпал
На дорогу пшена из мошны.

И откуда-то зёрна клевать
Восемь птичек слетели похожих...
«Где твой сын? Не узнаешь — ну, что же,
На два года оставлю опять!»

Обезумев от горя, крича,
Птиц ловила старуха — но тщетно!
Злой колдун засмеялся: «Прощай —
На два года!» — и снова исчез он...

Время словно уснуло в пути.
Изболелась старуха, но все же
Не сгибалась: «Не выживу — кто же
Сына вызволит мне из беды?»

Еле-еле дождалась, и вот
Чуть дыша, поплелась на мазары...
Вдруг скакун чистокровный, поджарый
К ней,
И речи людские ведёт:

«Мама, милая, глянь на коня!
Из-под чар я сбежал на мгновение;
Третьим слева по обыкновенью
Дух поставит в шеренгу меня!»

Мама, мама!..»—
Он шепчет в слезах...
Мать взгляделась—и сердце упало:
В лошадиных раскосых глазах
Детский жалобный зов прочитала.

До могилы домчал её конь,
Словно сын возмужавший,
И канул...
Снова села старуха на камень,
Стала полночи ждать—далеко.

Но дождалась и крикнула: «Ох!»
Дух замёл бородицей по полю:
«А, явилась! Двужильная, что ли?
Ну, давай, узнавай, где сынок!»

Топнул трижды, и восемь коней
Как один появились пред ними;
«Если ты не узнаешь и ныне—
Навсегда отдаёшь его мне!»

Скакуна окружили в толпе,
Цену подняли спором до неба...
Продала, а уздечку — себе;
Накупила обновок и хлеба,

С доброй ношей ушла по пыли...
Ну, а сын-то нагнал по дороге!
Славно зажили.
Родичей много
Отыскалось откуда-то вмиг:

Спорят, ссорятся — кто же родней,
Кто жирнее давал ей объедки,
Потешаясь когда-то над ней...
Так случилось и в жизни нередко.

Но решила счастливая мать
Спор уладить подарками щедро,
Вновь коня повела продавать.
Сын её отговаривал тщетно.

Обступили опять скакуна —
Спорят все о её ненаглядном...
Что-то на сердце стало неладно,
За уздечку схватилась она.

А купец, сторговавший коня,
Вмиг — в седло, да исчез на дороге;
Лишь тогда ей узнать колдуна
Привелось — не глазами, тревогой.

Закричала от горя, но как
Гнаться ей за прищипренным ветром?
Вот и снова рабом старика
Стал сыночек — навеки, наверно...

А колдун притомился в пути.
Завернул по дороге в харчевню.
Так уздечку к столбу прикрутил —
Конь себе не поможет ничем уж...

Но хозяйская дочка пришла
Дать уставшей скотине водицы
И, любуясь, на гриве косицы
Из шелковых волос заплела...

Вдруг заплакал красавец-скакун
И сказал человеческим словом:
«Я, сестрёнка, в коня заколдован,
Там — в харчевне — проклятый колдун.

Если жалко меня — помоги
И отпутай тугую уздечку...»
Слышит девушка речь человечью —
Не поднять ей от страха руки.

Только нежность горячей души
Верх взяла над бессильем и дрожью —
Жалость раньше, чем храбрость, помо-
жет —

Отвязала: «Скорее! Бежим!..»

Но колдун, словно чуя подвох,
Показался в дверях
И, не медля,
Крикнул, рыкнул — и лев за порог,
К ним метнулся пружиной медной;

Скоро в холку вонзится клыком...
Только выпорхнул тот из-под смерти,
Этот парень — хотите, не верьте —
Гусем стал и взлетел высоко;

Лишь на миг растерялся колдун,
Понял, прыгнул — и ястребом чёрным
В небо взмыл — паренька поучёней —
Клюв над жертвой раскрыл на лету...

Гусь упал на озёрную гладь,
Сазаном промелькнул золотистым;
Но чудовищем в омуте мглистом
Снова стал его Дух поджидать;

И сазан заметался по дну,
Всюду — щупальца чёрною сетью...
Но на гребне прибоя от смерти
Он кольцом золотым улизнул;

Дочка хана колечко, в песке
Заприметив, надела на палец;
Тут же стройный джигит, опечалась,
С просьбой к хану пришёл налегке:

«Милой матушки память — кольцо —
Обронил я в песок у купальни;
Вашей дочки прелестной лицо
От находки сияет случайной...»

Хан позвал свою дочку, смеясь,
И находку вернуть приказал ей.
Но кольцо соскользнуло тотчас —
И пшеном разлетелось по залу...

В петуха превратился джигит,
Стал он зёрна клевать преусердно,
Но одно не заметил, наверно, —
Свет победы порою слепит.

Откатилось зерно за порог,
Стало беркутом грозным и гордым;
А петух закричал во всё горло —
Не похвастать победой не мог:

«Эй, несчастный! Позорный конец
Принял ты от великого Духа!
По тебе будет долго старуха
Причитать, желторотый юнец...»

Он куражился, бил по бокам,
Чванясь, крыльями пёстрыми звонко...
Беркут тенью скользнул к облакам,
Сверху взглядом прицелился зорким,

Распростёртые крылья сложил,
Грянул молнией меж облаками
И на Духа свалился, как камень:
«Где душа твоя, подлый, скажи!»

Рвал на клочья, топтал и давил,
И над Духом коварным смеялся.
Через миг от величья остался
Пух, парящий над смрадом крови...

Снова стал человеком герой.
Поклонившись свидетелям в пояс,
К семерым он пустился на помощь —
Братьям, названным злою судьбой.

Те бродили меж пыльных могил,
Чары сбросив, но всё не решаясь
Выйти в светлый приветливый мир,
Мир, с которым давно распрощались, —

Будто вновь родились на свет...
Друг поведал им всё по порядку.
Но свобода не кажется сладкой,
Коль утратил отчизну навек...

«Мы не знаем, где отчий очаг,
Кто родители, живы ли ныне;
Мы утратили Родину, имя,
Наша память — тоска и печаль...

Побратала несчастьем нас
Наша жизнь —
Так сплотимся и ныне.
Мать твоя тосковала о сыне —
Сразу восемь вернутся сейчас.

Все богатства, что спрятал колдун,
Что мы сами собирали под гнётом
Чар зловещих —
Раздарим народу,
Чтобы спины от бед разогнул!..»

Так, беседа, шумной гурьбой,
Словно клин журавлиный, курлыча,
Потянулись к старухе, домой,
Навсегда в человечьем обличье.

Вот и горы и дол позади.
Степь шумит ковылём серебристым.
Столько дней в неустанном пути!
Только силы прибавилось — близко.

Во-он за тем поворотом их ждёт
Крепкий дом с камышовой крышей.
Ближе... Боже! Пришли к пепелищу.
Смотрит в сторону встречный народ.

«Где же мама?» — не знает никто.
«Мама, мама!» — с надеждой и болью;
«Мама! Мама!» — и тысячью слов
Эхо зов повторило над полем,

Жгучим ветром умчало к горам,
В грохот речек отвесных влетая...
Снег вершинный от зова растаял.
Звёзды сыпятся с неба, как град...

«Мама!» — эхо в ущелье ползёт,
Задыхаясь в тиши небывалой:
Не качнутся высокие травы.
Воздух вязкий, как солнечный мёд.

Над зеркальной водой родника
Встрепенулась косуля хромая:
Вдруг детёныши, в травах играя,
«Мама!» — вскрикнули в два голоса.

Может, эхо встревожило их?
Или лай отдалённый шакалов?..
Но, пугливая, чуткая, вмиг
К ним на жалобный зов прискакала.

Там ничком, обессилев в ходьбе,
Словно землю свою обнимая,
Спит навеки старуха седая,
Ничего не простивши себе;

Словно в травы и в камни вросла,
Словно стала землёю, травой,
Словно ищет не то, что нашла
В дальнем Млечном и вечном покое...

Кто-то шепчет —
Былинки ли, ветер, —
«Сладко спать, коль дитя уберёг...
Дети, дети — храни их на свете
Только мать, ни волшебник, ни бог...

Ты погибнуть не бойся, косуля,
За детей — мы продолжимся в них...»
Но неведомый голос утих —
Это эхо к нему прикоснулось

Легкокрылым разбоем орла,
Унося в своем клюве в долину
Тихий шёпот:
«Сыночек, повинна,
Что, тебя не найдя, умерла...»

...Грустно кончилась сказка, — ну что ж
Не печалься, дружок, напрасно:
Наша жизнь — бесконечная сказка,
Где над Правдой не властвует Ложь,

Где от всяких напастей и бед
Нежность матери — наша защита;
Мать и Родина — тысячи лет
В каждом сердце в единое слиты!

25 коп.

Токомбаев Аалы

СИРОТА И ВОЛШЕБНИК

Сказка

Для детей младшего школьного возраста

Перевод с киргизского Светланы Токомбаевой

Рецензент В. Я. Вакуленко
Редактор П. Леденев
Художник У. Осмоев
Художественный редактор Ю. Ким
Технический редактор Т. Борисенко
Корректоры Б. Созаева, Л. Павленко

ИБ № 2243

Сдано в набор 16. 10. 81. Подписано к печати 06. 01. 82. Формат бумаги 60Х90^{1/8}. Бумага офсетная. 2 «Литературная» гарнитура. Печать офсетная. 4,0 физич. печатных листа. 4,0 условн. печатных листа. 3,11 учетно-издательских листа. 16,0 усл. кр.-отт. Тираж 207000+(ИПК—1000 экз.). Заказ № 2172. Цена 25 коп. (ИПК 30 коп.)
Издательство «Мектеп»
720361, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.
Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.
--720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

